

Николай Ильичъ Стороженко.

Еще одна большая сила ушла отъ насъ въ могилу, оставивши лишь отблескъ своего духа. Въ Москвѣ, 12-го января, скончался Н. И. Стороженко. Въ ближайшее время послѣ его смерти, во многихъ газетахъ были помѣщены некрологи, въ которыхъ, пока кратко, было указано, какую потерю понесла наука и московскій университетъ въ лицѣ угасшаго Николая Ильича, ученаго съ большимъ именемъ и недавняго профессора. „Кіевская Старина“, въ предыдущей книжкѣ, послала также свое земляцкое скорбное слово на свѣжую могилу Николая Ильича, оставивши для настоящей книжки возможность дать болѣе подробный обзоръ жизни его и литературной дѣятельности, а также прилагаемый портретъ его. Мы не будемъ перечислять біографическихъ фактовъ, вошедшихъ въ некрологи; напомнимъ лишь главнѣйшіе, изъ которыхъ первый, мѣсто рожденія Н. И-ча, имѣетъ для насъ особое значеніе, какъ доказывающій земляцкую близость къ намъ покойнаго.

Н. И. Стороженко родился въ Полтавщинѣ, въ лохвицкомъ уѣздѣ, въ старомъ дворянскомъ гнѣздѣ, гдѣ и провелъ дѣтство, — время, оставляющее самыя глубокія впечатлѣнія, формирующія духовный складъ человѣка, создающія на всегда незримую связь его съ роднымъ мѣстомъ. Гимназическіе годы Н. И-чъ провелъ также на Украинѣ, такъ какъ воспитывался въ кіевской гимназіи. Лишь университетская наука оторвала его отъ родного края: онъ проходилъ университетъ московскій. Мы не имѣемъ указаній, при какихъ воздѣйствіяхъ, или по какимъ личнымъ

соображеніямъ, Н. И. выбралъ именно московскій университетъ; но фактъ этотъ имѣлъ рѣшающее, во всякомъ случаѣ, огромное вліяніе на всю послѣдующую ученую дѣятельность Николая Ильича и на связь его съ родиной, въ смыслѣ связи съ наукой и словомъ, близкими Украинѣ. Безспорно, будучи московскимъ студентомъ-филологомъ Н. И. имѣлъ возможность слушать такихъ профессоровъ, — знаменитостей въ области тогдашней русской науки, — какъ Грановскій, Буслаевъ, Кудрявцевъ и другіе, но за то Москва оторвала Н. И-ча отъ Украины, отъ круга литературныхъ интересовъ родного центра, отъ идей, въ какой бы то ни было степени близкихъ къ мѣстнымъ, національнымъ задачамъ украинской, или, какъ тогда говорили, украинофильской интеллигенціи. Какъ много могло бы значить въ данномъ случаѣ болѣе тѣсное общеніе съ приверженцами національной украинской идеи, можно судить по тому, что первыя ученныя занятія Н. И-ча были навѣяны Бодянскимъ и Максимовичемъ, близкимъ тогда къ московской филологической сферѣ: Н. И-чъ ревностно занимается еще въ университетѣ филологіей и старинной письменностью Южной Руси.

Замѣчательно, что и первая работа, съ которой Н. И-чъ выступилъ въ области литературной критики, сдѣлавшейся въ послѣдствіи его спеціальностью и доставившей ему громкое имя, — касалась украинскаго изданія. Это была довольно обширная и очень обстоятельная рецензія на альманахъ, выпущенный Мордовцевымъ въ Саратовѣ, подъ названіемъ „Малорусскій литературный сборникъ“. Рецензія эта помѣщена въ Отеч. Зап. за 1859 г.

Мы остановимся подробнѣе на этой статьѣ, такъ какъ она интересна не только сама по себѣ (характеризуя изданія и рецензіи, появлявшіяся почти лѣтъ 50 назадъ), но также по тѣмъ особенностямъ, которыя Н. И-чъ обнаружилъ, какъ критикъ, въ этой первой своей работѣ.

Изъ первыхъ же строкъ ея видно, что авторъ относится съ симпатіей къ новостямъ украинской литературы. Онъ начинаетъ свою рецензію такъ: „Сборникъ этотъ составляетъ пріятное явленіе въ современной малорусской литературѣ. Честь и слава новымъ дѣлателямъ на нашей родной нивѣ — Украинѣ! Но за то, какъ обильна, какъ благодатна эта нива: какіе полные, свѣжіе звуки несутся оттуда!“

Однако такое сочувственное отношеніе автора рецензіи къ новинкѣ украинской литературы не сдѣлало его пристрастнымъ

въ оцѣнкѣ изданія. Н. И. чѣ отнесся съ должной требовательностью къ изданію и даже въ частности къ „дѣлателью“—Д. Мордовцеву: въ первыхъ же строкахъ, слѣдовавшихъ за вступленіемъ, Н. И. упрекаетъ Мордовцева въ неискренней, или, во всякомъ случаѣ, неясной постановкѣ въ его предисловіи къ сборнику вопроса объ украинскомъ языкѣ: „Не знаешь“, — говоритъ Н. И., — „считаетъ ли авторъ украинскій языкъ за вѣтвь великаго цѣлаго, или даетъ ему значеніе самостоятельнаго нарѣчія. Къ чему эти недомолвки? Имъ не мѣсто въ строго ученое изложеніе. По нашему мнѣнію, въ настоящее время всякія препирательства о древности и самобытности южно-русскаго нарѣчія совершенно безплодны, особенно когда появляются изданія памяти древняго церк.-слав. языка, свидѣтельства которыхъ могущественнѣе и убѣдительнѣе всевозможныхъ разсужденій“.

Затѣмъ, съ цитатами Мордовцева и своими, авторъ рецензіи обсуждаетъ вѣчно юный (даже до нашихъ дней!) вопросъ о томъ—„языкъ это или нарѣчіе“? „самостоятельное или нѣтъ“?... Приводятся слова изъ старыхъ письменныхъ источниковъ, — лѣтописи, сборника XII в., о которомъ въ рецензіи говорится: „Недавно, въ Чтеніяхъ Мос. Общ. исторіи и древностей былъ изданъ Бодянскимъ драгоценный памятникъ нашей древней письменности — житіе Θεод., по характерному списку одного сборника XII в. Въ этомъ сборникѣ мы видимъ, какъ сквозь тройную броню церковно-славянскаго склада рѣчи пробивались иногда слова чисто-народныя. Правда, они пробиваются еще какъ-то робко, но тѣмъ не менѣе число ихъ значительно (*вгодникъ, жито, проскура* и пр.). Даже наша неизмѣнная „свита“ и тогда уже была въ употребленіи, что видно изъ слѣдующаго мѣста житія: „а одежда его (Θеод.) бѣ свита власяна“. Кажется, приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы заключить, что въ XII в. существовало нарѣчіе, которымъ говорила тогдашняя кievская Русь, которое незамѣтно вторгалось въ повѣствованіе и которое есть не что иное, какъ наше украинское нарѣчіе“.—

Переходя къ содержанію сборника Мордовцева, Н. И. не одобряетъ поэмы самого издателя — „Козаки і море“; онъ цитируетъ такой отрывокъ (взрывъ въ крѣпости):

Торохъ!... З корогвами,
З списками, з ножами,
З кривими шаблями,
І усі з чубами,

І мури, і брами...
 Земля застогнала,
 Нічого не стало!...

Н. И., называя поэму Мордовцева „трудная повѣсть“ (перефразируя выраженіе „Слова о пол. Игор.“ въ иномъ значеніи), говоритъ, что украинскій простолюдинъ, „который съ наслажденіемъ будетъ слушать что-нибудь изъ Котляревскаго, Шевченка, Марка-Вовчка, Куліша и др., ничего не пойметъ изъ приведенной страницы“.

Но затѣмъ рецензентъ съ похвалою указываетъ два мѣста въ поэмѣ: пѣсню Галі й прощанье кошевого съ предводителемъ козаковъ, передъ походомъ на турокъ; къ послѣднему мѣсту приводится цитата:

Оце-ж тобі моя шабля,—
 Заржавіла, бідна!
 А се тобі куля срібна,
 Як матінка рідна! — і т. д.

Выраженіе „срібна куля“ даетъ поводъ рецензенту къ экскурсії въ область этнографіи, со ссылками на источники (между прочимъ на *Lud ukraïnski*, Новосельскаго), что показываетъ уже и у тогдашняго Стороженка приѣмъ достойный подражанія — говоритъ о предметѣ съ солидными данными въ рукахъ.

О переводѣ Мордовцева Гоголевской повѣсти „Ночь наканунѣ Ивана Купала“ Н. И.—чь говоритъ, что онъ сдѣланъ довольно хорошимъ языкомъ, но былъ бы еще лучше, еслибъ Мордовцевъ не держался такъ близко подлинника: тогда языкъ перевода былъ-бы „живѣе и развязнѣе“.

Самое серьезное вниманіе останавливаетъ Н. И.—чь на отдѣлѣ думъ и пѣсень, помѣщенныхъ въ сборникѣ (болѣе 200, записанныхъ на Волини Костомаровымъ). По поводу этихъ пѣсень рецензентъ высказываетъ самое теплое отношеніе къ родному слову: „Если судить по этому (т. е. большому количеству вновь опубликованнаго пѣсеннаго матеріала), то какая богатая жатва ожидаетъ впереди любителей украинской старины! Благодаря нѣжному, можно сказать религіозному отношенію украинскаго простолюдина къ его роднымъ пѣснямъ, мы теперь можемъ вызвать нѣсколько живыхъ звуковъ изъ доносящагося до насъ неяснаго гула минувшаго времени, начертить яркую картину исторической жизни Украины, по крайней мѣрѣ какъ она отразилась

въ народномъ сознаніи. Пѣсни — это запекшаяся кровь народа на развалинахъ его исторической жизни“. Затѣмъ приводится извѣстный отзывъ объ украинскихъ пѣсняхъ Гоголя: „Моя радость! жизни моя, пѣсни! какъ я васъ люблю!“ и т. д.

Одно мѣсто сборника, въ думѣ про Хмельницкаго, — „бодай тебе, Хмельниченьку, перша куля не минула!“ — (проклятіе за то, что союзники Хмельницкаго, татары, брали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей на Украинѣ) — очень огорчило рецензента: онъ изо всѣхъ силъ старается защитить Хмельницкаго. — „Это страшное народное проклятіе“, — говоритъ Н. И-чъ, — „бросаетъ на величественную фигуру Хмельницкаго какой-то зловѣщій отблескъ; но мы не можемъ принять на себя тяжелой роли обвинителей противъ него, потому что еще не выслушана altera pars: скорбный голосъ этой пѣсни едва слышенъ посреди торжествующихъ кликовъ благодарности и восторговъ, которыми тотъ-же народъ почтилъ память своего любимаго гетмана:

Въ той часъ була честь, слава,
Войсковая справа!
Сама себе на сміхъ не давала,
Неприятеля підъ ноги топтала....

Затѣмъ Н. И. отмѣчаетъ „единственную у насъ религиозную думу“ — волянскую пѣсню о битвѣ подъ Почаевомъ. („Ой зійшла зоря вечерова, над Почаевомъ стала“...). Останавливается Н. И. также на пѣсняхъ о Морозенкѣ, о Бондаривнѣ и др.; оканчиваетъ же рѣчь о пѣсняхъ тѣмъ, что отсылаетъ читателя къ Сборнику — къ самому источнику: „gratius ex ipso fonte bibuntur aquae“.

По поводу помѣщенныхъ въ Сборникѣ сказокъ (про Оху, Ивашку и др.) опять дѣлаются научныя сближенія, а именно — мотивовъ нашихъ сказокъ съ мотивами древне-сѣвернаго эпоса (ретьязъ — и Schwanring, дѣва-лебедь — и schwanjungfrau). Въ этихъ научно-обставленныхъ комментаріяхъ опять видѣнъ послѣдователь школы Бодянскаго и Максимовича.

Оканчиваетъ Н. И. свою рецензію такъ: „Отъ души желаемъ видѣть скорѣе продолженіе трудовъ г. Мордовцева и его сотрудниковъ на поприщѣ украинской старины и народности“.

Нельзя не сказать по поводу всей этой рецензіи Стороженка: какъ жаль, что, будучи первымъ его критическимъ трудомъ, она осталась, на долгій періодъ, единственной пробой Н. И-ча въ

этой области! Обнаруживши такую любовь къ родному слову, такую симпатію къ его дѣятелямъ, — какимъ бы полезнымъ руководителемъ украинской литературы могъ быть Н. И-чъ, при его познаніяхъ, при его критическомъ талантѣ и чутѣ!

Но за первой блестящей работой Н. И-ча въ области украинской критики не послѣдовали другія.. Очевидно, иныя факты ближайшей умственной жизни, другіе литературные интересы заняли время и заполонили мысль Н. И-ча. Онъ дѣлается преподавателемъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ, а затѣмъ и профессоромъ Московскаго университета. Предметъ всеобщей литературы всецѣло поглощаетъ его. Онъ предпринимаетъ поѣздку за границу, уже увлеченный критическими работами о Шекспирѣ...

Къ тому же, надо сказать, что его первая рецензія на сборникъ Мордовцева относится къ періоду особаго оживленія украинской литературы. Но періодъ этотъ, ознаменовавшійся не только выходомъ отдѣльныхъ украинскихъ изданій (Кулиша и др.), но даже изданіемъ особаго журнала „Основы“, былъ не дологъ. Уже въ 61 году поднялась, вышедши изъ Москвы, травля на все украинское движеніе; прекратилась „Основа“, да и вся вообще украинская литература стѣснена была до крайности и мало давала матеріала для рецензентовъ!.. Потянулись для украинскихъ писателей долгіе годы подневольнаго молчанія; лишь изрѣдка появлялось въ печати сдавленное украинское слово. Нужна была у авторовъ особая охота писать по украински, а у рецензентовъ особая охота замѣчать эти единичныя попытки поддерживать тлѣющую искру...

Этой *особой* охоты Н. И-чъ не проявилъ. Связи съ роднымъ краемъ было у него мало; Москва же все больше и больше забирала его. Являлись вообще иныя умственные интересы, какъ мы сказали выше. Н. И-чъ мало по малу дѣлается извѣстнымъ авторомъ, критикомъ въ области литературы русской и западно-европейской.

Уже такія работы, какъ „Апостолъ гуманности и свободы“, (Паркеръ), какъ „Поэзія міровой скорби“, „Г-жа Сталь“ и др., могли бы сдѣлать Н. И-чу имя въ литературѣ. Но особенную славу пріобрѣлъ онъ своими критическими трудами о Шекспирѣ, снискавшими ему извѣстность одного изъ лучшихъ въ Европѣ Шекспиристовъ.

На этихъ трудахъ мы намѣрены особенно остановиться.

Изслѣдованіе произведеній Шекспира разрослось у Н. И-ча въ обширнѣйшую область: сюда вошло не только подробнѣйшее изученіе самихъ произведеній гениальнаго драматурга, въ связи съ біографіей его, но также изученіе произведеній предшественниковъ его, изученіе всей эпохи, изъ которой они вышли, которая обусловила тотъ или иной характеръ ихъ творчества; къ этому прибавляется еще подробное знакомство съ критической литературой, относящейся къ предмету.

Трудно себѣ представить всю ту массу матеріаловъ, которую Н. И-чъ поставилъ себѣ въ обязанность прочесть! Ему казалось недостаточнымъ познакомиться съ тѣмъ книжнымъ матеріаломъ, какой онъ могъ имѣть въ русскихъ столичныхъ хранилищахъ, — Н. И-чъ дважды отправляется для своихъ трудовъ по изученію Шекспира въ Англію и тамъ перечитываетъ массу печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, — всякаго рода литературныхъ произведеній, старыхъ хроникъ, переписки, критическихъ отзывовъ (среди которыхъ назовѣмъ изданіе Шекспировскаго Общества — въ нѣсколькихъ томахъ, „отзывовъ о Шекспирѣ за сто лѣтъ“), и т. д. и т. д! Въ результатъ этого подробнѣйшаго изученія — Шекспировская эпоха встаетъ въ изслѣдованіи Стороженка живою, говорящею не только академическимъ, но также своимъ интимнымъ языкомъ, при чемъ какая нибудь повидимому незначительная мелочь, слово какого-либо стоящаго въ сторонѣ лица, даетъ важный штрихъ въ общей яркой картинѣ.

Разумѣется, что не достаточно было познакомиться съ этою массою архаическихъ и новѣйшихъ источниковъ, — надо было освѣтить ихъ всесторонне и разобратъ въ нихъ съ извѣстной осторожностью и чутьемъ. Вотъ здѣсь то и сказался тонкій, аналитическій складъ ума Н. И-ча. Онъ съ истинно художественнымъ чутьемъ разбирается иногда среди противорѣчивыхъ данныхъ и мнѣній, отличаетъ важное отъ случайнаго, взвѣшиваетъ весь матеріалъ по своему, подвергаетъ собственному даровитому анализу цѣлыя критическія теченія, дѣлая свои остроумнѣйшіе блестящіе выводы. Не даромъ изслѣдованіе Н. И-ча Стороженка обратило на себя вниманіе въ западной Европѣ, имѣющей огромную критическую литературу о Шекспирѣ; не даромъ англійское Шекспировское Общество наградило нашего изслѣдователя почетнымъ титуломъ „Вице-предсѣдателя“ этого О-ва.

Мнѣ хочется подробнѣе остановиться на изслѣдованіи Н. И. Стороженка о Шекспирѣ, его школѣ, критическихъ системахъ, касавшихся его, — хочется сдѣлать это не по долгу лишь авто-

ра статьи о Стороженкѣ, а хочется подробнѣе остановиться на этомъ капитальномъ трудѣ Н. И-ча потому, что трудъ этотъ увлекаетъ меня своимъ интересомъ, стройностью изображенія такого сложнаго предмета, ясностью освѣщенія и красотой изложенія. Съ сочиненіями Н. И-ча у насъ мало знакомы. Обширныя литературно-критическія изслѣдованія теперь вообще „не въ фаворѣ“; между тѣмъ образцовое изслѣдованіе интереснѣйшей эпохи и гениальнѣйшаго творчества стоитъ того, чтобы познакомиться съ нимъ подробнѣе.

Начиная обзоръ произведеній Шекспира, Стороженко не ограничивается его драматическими сочиненіями, а останавливается прежде всего на его лирическихъ стихотвореніяхъ — сонетахъ, ставя характеръ ихъ въ связь и съ драматическими произведеніями Шекспира. Считаю не лишнимъ привести изъ многихъ его сонетовъ, цитируемыхъ Н. И-чемъ въ своемъ изслѣдованіи, хотя одинъ (тѣмъ болѣе, что, быть можетъ, далеко не всѣмъ извѣстенъ и самый фактъ существованія этого рода произведеній Шекспира). Вотъ это поэтическое и вмѣстѣ съ тѣмъ искусное по формѣ стихотвореніе:

Когда простились мы, — какой зимой нежданной
 Повѣяло вокругъ! Какъ сумрачны поля!
 Какъ тяжекъ небосклонъ угрюмый и туманный!
 Какой пустынею казалася земля!
 А вѣдь она цвѣла: сады въ уборѣ новомъ
 Сіяли золотомъ, дыханья розъ полны,
 И осень пышная, подобно юнымъ вдовамъ,
 Несла плоды любви умчавшейся весны.
 Но умирающей казалась мнѣ природа...
 Ты лѣто для меня, а нѣтъ тебя со мной,
 И нѣмы соловьи, и если съ небосвода
 Полъется робко пѣснь подъ чашею лѣсной,
 Такъ сумрачна она, что, чутко ей внимая,
 Поникшіе цвѣты блѣднѣютъ, умирая.

Это чисто лирическое, нѣжно - красивое стихотвореніе и другія въ томъ же родѣ не исчерпываютъ мотивовъ Шекспировскихъ сонетовъ, среди которыхъ иные отличаются болѣе энергическимъ тономъ, горячею страстью; одинъ изъ сонетовъ приводится Стороженкомъ, какъ имѣющій въ себѣ чисто „гражданскій“ мотивъ. Вотъ начало этого стихотворенія (въ переводѣ Червинскаго).

Тебя, о смерть, тебя зову я, истомленный!
 Усталъ я видѣть честь поверженной во прахъ,
 Заслугу — въ рубищѣ, свободу — искаженной
 И бѣдность съ шутовской усмѣшкой на губахъ...
 Глупцовъ, гордящихся лавровыми вѣнками,
 Опальныхъ мудрецовъ, носящихъ скорбь въ тиши,
 Высокій даръ небесъ, осмѣянный слѣпцами,
 И силу, мертвую отъ немощей души,
 Искусство робкое предъ деспотизмомъ власти...

И такъ далѣе, — настоящій вопль отчаянія при видѣ торжествующаго насилія, зла и несправедливости въ родной странѣ. Въ другомъ сонетѣ высказывается горькое раздумье надъ жизнью вообще, съ призывомъ къ нравственному совершенству.

Въ Шекспировскихъ сонетахъ, этихъ юношескихъ произведенійхъ, не смотря на неизбѣжную въ духѣ того времени условность ихъ формы, антитезовъ и сравненій, Стороженко видитъ своеобразную искренность, высоко-настроенную душу и вообще *основныя черты* поэтическаго гения Шекспира, на первой ступени ихъ развитія: идеальный строй духа, страстное участіе къ волновавшимъ тогдашнее общество вопросамъ и философскій складъ ума, побуждавшій его даже въ юности задумываться надъ горькимъ смысломъ жизни. Въ частностихъ тоже можно наблюдать совпаденіе между сонетами Шекспира и драмами. Такъ, въ сонетахъ не разъ встрѣчается сравненіе міра со сценой, а людей съ актерами. Этотъ профессиональный образъ Шекспиръ развиваетъ въ монологѣ Жака (*какъ вамъ угодно*) и въ монологѣ Макбета: „наша жизнь — одна бродячая тѣнь, громкій актеръ, который рисуется и кичится какой нибудь часъ на сценѣ, а потомъ пропадаетъ безъ вѣсти; это сказка, рассказанная безумцемъ...“. Второй приведенный нами сонетъ Шекспира (66-й) служитъ прототипомъ для знаменитаго монолога Гамлета „Быть или не быть“: также какъ тамъ, у принца является желаніе умереть при видѣ царящаго зла.

Такимъ образомъ, точкой отправленія какъ для изученія драмъ Шекспира, такъ и его характера, должны служить сонеты, и если Шекспиръ, какъ творецъ Гамлета, Макбета и Лира, внушаетъ намъ благоговѣніе къ его гению, то Шекспиръ сонетовъ, пылкій, восторженный, стремящійся къ идеалу нравственнаго равновѣсія, правды и гуманности, — внушаетъ намъ высокое уваженіе къ его нравственной личности.

Такимъ блестящимъ аккордомъ заканчиваетъ Стороженко сближеніе стихотвореній Шекспира съ его драмами. Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этихъ драмъ, Стороженко разбираетъ положенія наиболѣе выдающихся критическихъ школъ, опредѣлявшихъ произведенія Шекспира и смѣнявшихъ одна другую.

Отдавая должное вообще нѣмецкой критикѣ, которая въ качествѣ первой на европейскомъ континентѣ признала высокое значеніе произведеній Шекспира, признавая громадную эрудицію и глубину изслѣдованія нѣмецкой критики, Стороженко поочередно анализируетъ положенія по отношенію къ творчеству Шекспира, въ ихъ исторической послѣдовательности. Прежде всего онъ знакомитъ со взглядами на Шекспира псевдоклассической школы нѣмецкой, для которой, при ея условности и окаменѣлой традиціи, творчество Шекспира казалось слишкомъ дерзкимъ и грубымъ новаторствомъ. Кромѣ простонародныхъ, балаганныхъ представленій, на нѣмецкой сценѣ всецѣло царили французскіе ложно-классическіе образцы, съ ихъ ходульными героями, напыщеннымъ, манернымъ языкомъ. Имя Шекспира упоминается въ нѣмецкой литературѣ не ранѣе 1682 года, и лишь въ 1740 г. появляется въ Германіи, на берлинскомъ театрѣ, Шекспировскій „Юлій Цезарь“; по поводу этого появленія нѣмецкій критикъ писалъ, что Шекспиръ творилъ подъ вліяніемъ дикаго, порывистаго вдохновенія, и если ему иногда удавалось выбрасывать со дна своей души настоящіе перлы, то это была не болѣе, какъ случайность, потому что онъ былъ безъ всякаго образованія и вкуса. Такъ судила о Шекспирѣ критика школы ложно-классической.

Но на смѣну ей уже шло новое литературное движеніе. Французскіе образцы драмы уже отжили свое время; нѣмецкая критика мало по малу начинаетъ предъявлять къ драмѣ иныя требованія. Лессингъ явился могучимъ борцомъ противъ французской трагедіи и, начавши эту борьбу, вооружился именно произведеніями Шекспира. Онъ совѣтуетъ нѣмецкимъ драматургамъ не подражать французскимъ образцамъ, — если они хотятъ создать что-либо въ народномъ духѣ, — а обратиться къ Шекспиру и его современникамъ: они укажутъ вамъ настоящую дорогу.

Однако престижъ классическихъ авторовъ былъ такъ великъ, что Лессингъ строитъ свою защиту Шекспира на нихъ, доказывая, что онъ, не зная древнихъ, стоитъ къ нимъ ближе, чѣмъ Корнель, такъ

какъ Корнель ограничивался чисто внѣшнимъ, механическимъ подражаніемъ, между тѣмъ какъ Шекспиръ, подобно Эсхилу и Софоклу, изображалъ жизнь во всей ея полнотѣ и разнообразіи, соблюдая Аристотелевъ законъ единства драмат. творчества.—Такой отзывъ характеризовалъ собою школу *эстетическую*, которая считала принципы и приемы творчества общими,—безотносительно къ конкретнымъ условіямъ міросозерцанія, эпохи и ближайшей жизни автора.

Ученики Лессинга, идя по намѣченному имъ пути въ дѣлѣ освобожденія нѣмецкой драмы отъ ложно-классической рутины, пошли гораздо дальше, образовавши школу *историческую*, представителемъ которой является критикъ Герстенбергъ. Школа эта оставляла въ сторонѣ *общіе* законы драмы, доказывала, что „каждый народъ имѣетъ свое особое міросозерцаніе, иначе понимаетъ трагическое, и что поэтому странно прилагать къ произведеніямъ Шекспира масштабъ Аристотелевой теоріи, составленный по другимъ образцамъ, выросшей на другой почвѣ, подъ другимъ небомъ“.

Знаменитый Гердеръ далъ болѣе стройное, талантливое развитіе идей Герстенберга, обнаруживъ живое и цѣльное пониманіе искусства. Въ особой статьѣ о задачахъ драмы онъ писалъ, что каждый народъ, кромѣ особаго языка, отличается отъ другихъ народовъ особымъ складомъ ума и фантазій. Наиболѣе вѣрное и яркое выраженіе міросозерцанія народа — его поэзія; въ ней отражается душа народа, его задушевные мечты, его любимые идеалы. Греческая драма была роскошнымъ цвѣткомъ въ развитіи мифологическихъ и общественныхъ идей Греціи. Требовать отъ Англій драмы въ греческомъ стилѣ нелѣпо. Драма Софокла и драма Шекспира—это двѣ до того различныя вещи, что онѣ едва-ли могутъ называться однимъ и тѣмъ же именемъ, а между тѣмъ онѣ обѣ прекрасны. Въ драмѣ Софокла царствуетъ единство типа и характера; разнообразіе характеровъ, положеній, сословій составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ драмы Шекспира. У перваго слышится вездѣ одинъ и тотъ-же пѣвучій и изящный языкъ образованнаго афинянина, Шекспиръ-же одинаково владѣетъ какъ языкомъ образованнаго „ноблемеца“, такъ и наивно-распущенной рѣчью народнаго шута. — Такимъ образомъ Гердеръ видитъ въ драмѣ прежде всего великое историческое явленіе, которое можетъ быть объяснено только изъ совокупности жизненныхъ условій, его произведшихъ.

Такая горячая проповѣдь о значеніи произведеній Шекспира, быть можетъ, обусловила появленіе перевода ихъ на нѣ-

мецкій языкъ, сдѣланнаго поэтомъ Виландомъ, а также появленіе Гетевской трагедіи Гець-фонъ-Берлихенгенъ“, написанной въ духѣ драматическихъ хроникъ Шекспира. Свое восхищеніе Шекспиромъ и поклоненіе ему, какъ образцу, Гете выражаетъ такъ: „я не помню, чтобы какая нибудь книга или какое нибудь событіе моей жизни произвело на меня такое неотразимое впечатлѣніе, какъ драмы Шекспира. Онѣ мнѣ казались созданіями какого-то божественнаго генія, сошедшаго на землю, чтобы научить людей познавать самихъ себя. Это не поэтическія произведенія. Читая ихъ, съ ужасомъ видишь передъ собою раскрытую книгу человѣческихъ судебъ и слышишь, какъ бурный вихрь жизни съ шумомъ перевортываетъ ея листы. Все, что мнѣ думалось и гадалось о человѣческой жизни и о нашемъ назначеніи,— все это я нашель у Шекспира. Произведенія его похожи на часы изъ чистого кристалла, такъ что въ одно время видишь и ходъ времени и весь механизмъ ихъ движущій. Это прозрѣніе во внутренней міръ человѣка побудило и меня подойти поближе къ міру дѣйствительности, чтобы и самому черпать изъ этого неисчерпаемаго источника“.

Такъ говорилъ о Шекспирѣ „олимпіецъ“ Гете, уже при-
мыкавшій къ школѣ *романтической*, яркій представитель которой, Шиллеръ, написалъ своихъ „Разбойниковъ“ и „Вильгельма Телля“ тоже подъ вліяніемъ Шекспира. Новый переводчикъ, давшій уже стихотворный, прекрасный переводъ Шекспира, и критикъ школы романтической, А. Шлегель, также съ высокимъ уваженіемъ отзывался о творчествѣ Шекспира, причемъ въ своихъ блестящихъ лекціяхъ объ этомъ предметѣ, прочитанныхъ въ Вѣнѣ въ 1808 году и переведенныхъ на другіе языки, указываетъ отличительное свойство испанскаго и англійскаго театровъ — ихъ *народность* (начало, къ которому въ то время уже рѣшительно приблизились романтики); въ частности же, относительно творчества Шекспира, Шлегель считаетъ отличительнымъ свойствомъ драматурга — способность переноситься въ каждое изображаемое положеніе и до того усвоить его своей душѣ, что оно становится какъ бы его личнымъ душевнымъ состояніемъ.

Въ своемъ восторженномъ пристрастіи къ Шекспиру Шлегель доходитъ до того, что даже ошибки Шекспира въ области исторіи, географіи и стилистики считаетъ не доказательствомъ отсутствія солиднаго образованія у Шекспира, а нарочитыми приемами.

Но впрочемъ не всѣ представители романтической школы относились такъ восторженно къ Шекспиру, — и этому нельзя

удивляться. Противопоставляя направленію ложно-классическому начала большей натуральности и *народности*, романтики понимали ихъ своеобразно, отдавая большую дань повышенному чувству и фантазіи, переходившимъ въ экзальтацію и мистицизмъ; поэтому истые романтики, какъ Новалисъ, предпочитали Шекспиру Данте и Кальдерона. Реализмъ Шекспира былъ имъ неприятенъ.

Слѣдующей школой, занявшея Шекспировской критикой, была школа *философская*, гегелианская. Въ тридцатые годы 19-го столѣтія систему Гегеля, по которой всѣмъ міропорядкомъ управляетъ *абсолютное* начало, покоряющее себѣ все, перенесли и въ область искусства, отводя ему чисто подчиненную роль, при полномъ игнорированіи художественныхъ задачъ и приѣмовъ творчества, — „дѣлая область искусства, по выраженію одного нѣмецкаго писателя, лишь одной изъ провинцій монархіи абсолютнаго идеализма“. Теорія была обоснована подробно. Если надъ всѣмъ огромнымъ космосомъ царить одно общее абсолютное, то этому общему должно приноситься въ жертву все частное, индивидуальное; поэтому въ гегелевой философіи правочеловѣческая личность цѣнится на столько, на сколько она служитъ общей идеѣ государства; также точно, по гегелевской теоріи драмы, задачи ея сводятся къ тому, чтобы показать зависимость повидимому своего особаго маленькаго космоса челоѣческой личности отъ общаго начала, управляющаго нравственнымъ міромъ; изъ отношеній отдѣльной личности, имѣющей свои стремленія и личныя побужденія, къ общему нравственному началу вытекають различныя коллизіи, ведущія иногда къ дисгармоніи, но задачею драматурга должно служить въ концѣ концовъ возстановленіе этой нарушенной гармоніи нравственныхъ началъ, потрясенныхъ борьбою личныхъ побужденій героевъ. А такъ какъ поступокъ и воля все же тѣсно связаны другъ съ другомъ и личность является отвѣтственной за свои поступки, то задачей драматурга является не только ярко изобразить *напряженность борьбы* великихъ нравственныхъ началъ (религіи, отечества, семейства, любви), но и явиться въ концѣ концовъ *карающимъ или милующимъ судьей* своихъ героевъ. Отсюда вытекалъ принципъ „поэтической справедливости“, или авторскаго возмездія: герои, вышедшіе съ честью изъ нравственной борьбы, должны быть награждены, герои, нарушившіе нравственный законъ, должны быть покараны“.

Философской теоріи не было никакого дѣла до художественныхъ пріемовъ творчества; она желала видѣть въ драмѣ не живую картину дѣйствительности, не зеркало души человѣческой, но лишь область отвлеченныхъ идей, борющихся въ мірѣ, безъ различія временъ и народовъ...

Философская теорія одинаково примѣнялась къ античнымъ драмамъ и къ произведеніямъ Шекспира, — критиками котораго явились, съ гегелианскимъ кодексомъ, Тикъ, Ульрици, Ретшеръ.

Величіе Шекспира признавалось имъ по столько, по сколько въ его драмахъ обнаруживалась борьба началъ и „поэтическая справедливость“. Въ каждой изъ Шекспировыхъ драмъ они искали прежде всего основную идею (Grundidee) и торжество нравственного начала, выходящаго побѣдителемъ изъ борьбы съ нимъ отдѣльной личности, одержимой той или иной ослѣпляющей страстью.

Дѣлались всевозможныя натяжки: выходило, напр., что „Ромео и Джульета“ написана чуть не для того только, чтобы отецъ Лоренцо могъ сказать въ концѣ свою правоучительную сентенцію, а родители несчастной любящей пары — примириться...

Такою предвзятость, выходявшую изъ началъ философской теоріи, обнаружилъ между прочимъ и знаменитый Гервинусъ, къ труду котораго о Шекспирѣ нашъ авторъ, Н. И., относится съ такимъ уваженіемъ, находя однако въ изслѣдованіи Гервинуса тотъ капитальный недостатокъ, что въ немъ Шекспиръ — *моралистъ* совершенно заслонилъ Шекспира — *художника*: въ этой ученой, но „сухой и черствой“, критикѣ, высокія свойства послѣдняго остались совершенно безъ вниманія.

Но время шло — и наступила реакція противъ одностороннихъ взглядовъ философской школы на искусство, приписывавшей ему слишкомъ подчиненную роль, игнорировавшей задачи художественныя. Профессора, знаменитые писатели, какъ Флате, Крессигъ, Боденштедтъ и др., заявляютъ громкій протестъ противъ порабощенія искусства формуламъ отвлеченной философіи. Появляется школа критики *реалистической*. Въ этомъ новомъ духѣ выпущена была въ 1866 году, въ Германіи, посвященная критикѣ Шекспира, книга Рюмелина. Авторъ отвергаетъ прежде всего проведеніе въ драмахъ Шекспира философскаго принципа „вышей гармоніи“, „поэтической справедливости“. — „Судите сами, говоритъ Рюмелинъ: Корделія повѣшена въ тюрьмѣ, Дездемона задушена мужемъ, Офелія сошла съ ума и утопилась. Гдѣ же тутъ справедливость?! Если критики идеалисты находили и

здѣсь „справедливость“, то лишь потому, что имъ хотѣлось ее найти. Вообще, говоритъ Рюмелинъ, произведенія Шекспира сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ Библии, — каждый находитъ въ нихъ то, чего хочетъ! Пора низвести Шекспира на землю, пора разсѣять тотъ туманъ, который окружаетъ его величавую, но неопредѣленную фигуру“.

Крайній реализмъ Рюмелина, по мнѣнію Стороженка, такъ же одностороненъ, какъ и идеализмъ философской школы. Особенно возмущаетъ нашего автора мнѣніе Рюмелина, что Шекспиръ уже потому не могъ особенно проводить въ своихъ драмахъ идеалистическія теоріи, что былъ профессионально заинтересованъ въ театральномъ успѣхѣ своихъ пьесъ и потому долженъ былъ заботиться главнымъ образомъ о внѣшней сторонѣ своихъ сочиненій (интересной фабулѣ, сценичности и пр.), — долженъ былъ подлаживаться подъ вкусъ публики, которая была не высокой пробы, такъ какъ театръ находился, во времена Шекспира, въ презрѣніи у порядочнаго общества.

Такой взглядъ на Шекспира кажется Н. И-чу унижающимъ великаго драматурга, такъ какъ низводитъ его на степень лишь какого-то „мастера театральнаго дѣла“. Актеровъ же и театральную публику времени Шекспира Стороженко также защищаетъ, говоря, что актерами были люди образованные, а между ними студенты и извѣстные писатели; публика была всякая, включительно до дамъ большого свѣта. Съ однимъ безусловно соглашается Н. И-чъ, что разнообразнѣйшія мнѣнія о Шекспирѣ требуютъ пересмотра.

Въ числѣ главъ своей книги о Шекспирѣ, являющихся обзоромъ различныхъ критическихъ отзывовъ о великомъ драматургѣ, Н. И-чъ удѣляетъ вниманіе и русской критикѣ, Чуйко и Бѣлинскому. Мы не будемъ останавливаться на отзывѣ Н. И-ча о первомъ, такъ какъ уже одно названіе главы, посвященной г-ну Чуйко, показываетъ, какъ опредѣляетъ его критику Н. И-чъ: эта глава называется — „Диллетантизмъ въ Шекспировской критикѣ“. Что касается до критическихъ мнѣній Бѣлинскаго, касавшихся Шекспира, то, собранныя Стороженкомъ въ общихъ чертахъ, они являютъ въ довольно смутномъ видѣ. Держась вначалѣ взглядовъ гегеліанской школы, Бѣлинскій постепенно отрѣшается отъ нихъ, не давши однако обстоятельнаго опредѣленія Шекспировскаго творчества. Н. И-чъ отмѣчаетъ, впрочемъ, поэтическую сущность критики Бѣлинскаго и высказываетъ по этому поводу глубоко-справедливый взглядъ на литературную критику вообще.

Н. И-чъ говорить: „если справедливо, что поэта нужно переводить языкомъ поэтовъ, то еще болѣе справедливо, что для правильной оцѣнки поэта критикъ долженъ быть до нѣкоторой степени и самъ поэтомъ, т. е. обладать, кромѣ эстетическаго пониманія, еще и поэтическимъ чувствомъ. Бсѣ ошибки нѣмецкой шекспировской критики“, — говоритъ Н. И-чъ, — „происходятъ отъ того, что ея представители, при всей своей учености и глубокомыслии, не обладаютъ въ достаточной степени поэтическимъ чутьемъ“. Это чутье Н. И-чъ признавалъ за Бѣлинскимъ въ высокой степени.

Дѣйствительно, Бѣлинскій не только испытывалъ поэтическую эмоцію при воспріятіяхъ впечатлѣній отъ поэтическихъ произведеній, но и выражалъ въ этомъ случаѣ свое мнѣніе истинно поэтическимъ языкомъ. Вотъ напр. образчикъ отзвонъ его о Шекспирѣ: „Байронъ, выразившій въ своихъ произведеніяхъ муки сердца, адъ души, постигнулъ только одну сторону бытія вселенной; Шиллеръ поступилъ совершенно обратно: онъ передалъ намъ тайны неба, показалъ одно прекрасное жизни, — ибо зло жизни у него или невѣрно, или искажено преувеличеніями, — и только Шекспиръ, божественный, великій, недостижимый, постигъ и адъ, и землю, и небо. Царь природы, онъ взялъ равную долю добра и зла, и подсмотрѣлъ въ своемъ вдохновенномъ ясновидѣніи біеніе пульса вселенной!“... и т. д. — Слишкомъ много... поэзіи! — сказалъ бы критикъ-прозаикъ. Но это не были только „двѣты краснорѣчія“; Шекспиръ производилъ на Бѣлинскаго, дѣйствительно, до крайности трогательное душу впечатлѣніе: въ одномъ изъ писемъ къ Боткину Бѣлинскій писалъ: „О Офелія, о бѣдная красота сѣвера, голубка, погибшая, въ вихрѣ грозы! Мочи нѣтъ, слезы рвутся изъ глазъ“!...

Однако, кромѣ поэтической стороны критики Бѣлинскаго, Стороженко указываетъ съ похвалой и на нѣкоторые существенные его выводы, очень цѣнные, а именно—сужденія Бѣлинскаго относительно художественной объективности Шекспира и его реализма. — Но все же, если ученымъ критикамъ германскимъ не доставало чувства поэта, то русскому критику не доставало ихъ эрудиціи; по крайней мѣрѣ самъ Н. И-чъ, такъ симпатично относившійся къ Бѣлинскому и называвшій его „нашъ великій критикъ“, замѣчаетъ: „Предвосхищая (послѣ поворота отъ гегеліанской школы) основное положеніе исторической критики, Бѣлинскій пытается объяснить личность Шекспира изъ духа его эпохи, но недостатокъ свѣдѣній не позволяетъ ему осуществить

эту попытку, и онъ ограничивается замѣчаніемъ, что Шекспиръ былъ поэтъ старой веселой Англїи, которая въ продолженіе немногихъ лѣтъ вдругъ сдѣлалась [суровою, строгою, фанатическою, и что это торжество враговъ театра имѣло сильное вліяніе на его послѣднія произведенія, наложивъ на нихъ отпечатокъ мрачной грусти.

Сказанное такъ странно и не достаточно съ точки зрѣнія ученой, обоснованной критики, что, дѣйствительно, Н. И-чъ имѣлъ право въ концѣ главы о шекспировской критикѣ Бѣлинскаго сказать: „остается сожалѣть, что занятый спѣшной журнальной работой, составлявлявшей единственный источникъ его существованія, Бѣлинскій не имѣлъ времени подвергнуть драмы своего любимаго писателя болѣе обстоятельному разбору“.

Имѣя широкое знакомство съ самыми разнообразными теорїями и отдѣльными замѣчаніями европейской шекспировской критики, Н. И. Стороженко излагаетъ свой взглядъ на знаменитаго драматурга. Приемы изслѣдованія Н. И-ча приближаются больше всего къ теорїи *исторической*, причемъ онъ внесъ много субъективнаго, много того, что онъ считалъ необходимымъ для критики,—чутья поэтическаго, которое, въ связи съ самымъ обширнымъ научнымъ обслѣдованіемъ предмета, придало труду Н. И-ча высокое достоинство.

Признавая великое значеніе *преимущественности* культурныхъ теченій и въ частности литературной дѣятельности избраннаго писателя, Стороженко изучаетъ самые корни, откуда пошли творенія Шекспира. Онъ изучаетъ его предшественниковъ, ихъ эпоху, *эволюцію* литературнаго направленія и вкуса этой эпохи. Изученію предшественниковъ Шекспира Н. И-чъ посвящаетъ такъ много труда, что его изслѣдованіе о нихъ составило солидное сочиненіе, давшее ему степень магистра.

Опредѣленными штрихами чертитъ Н. И-чъ исторію англійскаго театра, отъ его средневѣковаго состоянія до времени Шекспира. Начавшись простонароднымъ фарсомъ и религіозной мистерїей, театръ этотъ достигаетъ особеннаго развитія въ послѣдней области—католическихъ импозантныхъ представленій на темы изъ священнаго писанія, со включеніемъ иногда небольшихъ сценъ обыденнаго характера. Но надвинулась волна Возрожденія, которая произвела коренную реформу между прочимъ и въ области театра: эта волна, съ ея освобожденіемъ мысли, успѣхами науки, сломала и самое католичество, вмѣстѣ съ его религіозной драмой. Явились новые вкусы, новыя литературныя воздѣйствія.

Татрѣ дѣлается свѣтскимъ и отражаетъ въ себѣ содержаніе общей литературы. Итальянская новела не только переводится для чтенія, но сюжеты ея передѣлываются и для сцены. Сюжеты отличаются фантазіей, сложностью фабулы, пестротою персонажей — рыцарей, дамъ, пилигримовъ, полуисторическихъ полубогендарныхъ лицъ, говорящихъ возвышеннымъ, необычнымъ языкомъ. Такой театръ и былъ сферой дѣятельности предшественниковъ Шекспира—Марло, Лилли, Грина. Въ сочиненіи пьесъ указаннаго характера они проявляютъ значительную виртуозность, какъ по содержанію пьесъ, такъ и по формѣ, по большей части стихотворной. Для сценъ комическихъ вводятся персонажи изъ народа,—такія сценки изъ простонародной жизни особенно любилъ Гринъ. Смотрѣть этотъ лондонскій театръ идутъ горожане и свѣтская знать,—jeunesse dorée, маскированныя и немаскированныя дамы. Напрасно пуританская проповѣдь старается отвлечь публику отъ „суетной, грѣховной“ забавы,—самъ королевскій дворъ посѣщаетъ этотъ театръ, покровительствуетъ актерамъ и драматическимъ писателямъ.

Въ ряды актеровъ становится и Шекспиръ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и писатель, авторъ стихотвореній, сочиняемыхъ въ изысканной формѣ сонета. Вдохновеніе его ищетъ обнаруженія и въ сферѣ литературы драматической. Вначалѣ онъ передѣлываетъ прежнія пьесы, по своему усмотрѣнію, по своимъ творческимъ соображеніямъ. Его товарищи, авторы которыхъ пьесы онъ передѣлывалъ, или къ сюжетамъ которыхъ онъ приближался, встрѣтили его недружелюбно, какъ автора-соперника. Такъ, Гринъ пишетъ своимъ товарищамъ по профессіи, Марло, Нашу и Пилю:... „Да, не довѣряйте имъ (актерамъ), потому что между ними завелась выскочка-ворона, украшенная нашими перьями, съ сердцемъ тигра подъ кожей актера. Этотъ выскочка воображаетъ, что онъ можетъ смастерить бѣлый стихъ не хуже любого изъ васъ и, будучи настоящимъ Johannes Factotum, считаетъ себя единственнымъ человѣкомъ въ Англій, *способнымъ потрясти нашей сценой (the onely Shakescene in a country)*“. Послѣднія слова, въ которыхъ пародируется фамилія Шекспира, показываютъ, что Гринъ говорилъ именно о Шекспирѣ.

Показавши ту сферу, тѣ литературныя традиціи и ближайшій литературно-драматическій матеріалъ, съ которыми было связано творчество Шекспира, Стороженко подробно и тонко опредѣляетъ особенности, выдвинувшія новаго актера-драматурга изъ ряда его собратьевъ и приобрѣли ему міровую славу.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же заключались чары этого автора? почему пьесы того же репертуара, даже пьесы, сюжеты которыхъ были цѣликомъ взяты Шекспиромъ для его драмъ и лишь передѣланы имъ, — давно забыты и служатъ лишь предметомъ для специальныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій, между тѣмъ какъ драмы Шекспира, повидимому столь близкія къ тому же репертуару, переживаютъ вѣка?

Стороженко ясно и выпукло опредѣляетъ это „волшебство“. Шекспиръ внесъ въ технику драмы — *человѣчность, индивидуализацію* дѣйствующихъ лицъ. Въ то время, какъ въ пьесахъ его предшественниковъ и товарищей это были только „персонажи“ съ ярлыками — „ревнивецъ“, „честолюбецъ“, „злодѣй“, „жена злая“, „жена добродѣтельная“, — въ пьесахъ Шекспира всѣ эти лица являются *людьми* со своими *индивидуальными* особенностями и черточками, придающими особый характеръ даже, такъ сказать, разновидностямъ одного типа: психика „человѣколюбца“ Макбета *иная*, чѣмъ леди Макбетъ, Цимбелинъ ревнуетъ *не такъ*, какъ Отелло; фигуры „добродѣтельныхъ“ Корделии, Офелии, Дездемоны, съ помощью едва уловимыхъ штриховъ, положенныхъ драматургомъ, являются различными. И всѣ эти люди живутъ передъ зрителемъ, живутъ своей особой душевной жизнью, приковывающей и трогающей его, заставляютъ и его душу откликнуться на звуки ихъ душевныхъ струнъ. Шекспиръ тоже дѣлаетъ своихъ героевъ носителями извѣстной страсти, но при этомъ показываетъ, какъ эта страсть проявляется въ *данномъ* челоуѣкѣ, какая коллизія выходитъ изъ могучаго воздѣйствія страсти, обстоятельствъ и не менѣе могучихъ свойствъ и всей психической природы даннаго лица. На пространствѣ вѣковъ, при различіяхъ расы, культуры, міровоззрѣнія выводимыхъ лицъ, Шекспиръ умѣлъ показывать *индивидуальность* этихъ людей. Какъ давалось ему это прозрѣніе въ душу столь различныхъ людей, своего рода „ясновидѣніе“, — это сила воображенія, сила *таланта*, та сила, самыя сокровенныя тайники которой не сможетъ никогда вскрыть самый острый аналитическій ножъ...

Охарактеризовавши Шекспира какъ художника, Стороженко показываетъ міръ его *идей*, — указывая источники ихъ какъ въ новой стрѣѣ его эпохи, такъ и въ личной его біографіи. Трезвое вѣяніе жизни, современной Шекспиру, уснѣхи науки, дали рационалистическое направленіе мысли, заставили скептически оглянуться на пройденный идейный путь. Стороженко приводитъ не мало любопытныхъ фактовъ, очень характерныхъ для того вре-

мени ломки старыхъ идей, времени великаго умственно-душевнаго переворота. Кругъ „скептиковъ“ и „свободомыслящихъ“ разрослся; раціоналистическій взглядъ на вопросы религіи, привлекая массы къ протестантству, велъ отдѣльныя личности, даже среди духовенства, еще дальше: такъ, одинъ священникъ въ Англіи пересталъ даже вѣрить въ библію, отрицая ее, какъ божественное откровеніе, считая ее лишь собраніемъ народныхъ разсказовъ,—и объявилъ себя язычникомъ.

Раціонализмъ эпохи коснулся и міровоззрѣнія Шекспира, освободивши его умъ отъ клерикально-мистическаго средневѣковаго направленія. Но этотъ мощный интеллектъ не остался чуждымъ высокимъ идеаламъ. Онъ самъ опредѣлилъ основной свой принципъ такъ: „красота, добро, истина“, — которымъ онъ и сослужилъ великую службу своими бессмертными произведеніями.

Факты біографіи Шекспира Стороженко сближаетъ также съ его настроеніемъ и творчествомъ, находя, что несчастная любовь и положеніе въ средѣ актеровъ должны были дать мысли Шекспира горькую складку скептическаго раздумья надъ жизнью,— что и отразилось въ его сонетахъ, мотивахъ которыхъ вошли и въ его драмы.

Положеніе Шекспира „на рубежѣ двухъ эпохъ“, двухъ жизненныхъ и культурныхъ теченій, отразилось и на внѣшнихъ приемахъ творчества Шекспира. Литературная школа, изъ которой онъ вышелъ, дала ему богатство, разнообразіе, эффектность темъ, дала его воображенію обильную пищу и просторъ, въ то же время новое реалистическое вѣяніе научило его дѣлать умѣлый выборъ и давать реальную обработку этихъ темъ. То же можно сказать и о языкѣ Шекспировскихъ произведеній: онъ цвѣтистъ, полонъ яркихъ образовъ, но и къ нему приложена какая-то мѣра, уже не позволяющая назвать эти рѣчи напыщенной риторикой, заставляющая вѣрить, что дѣйствующія лица Шекспира могли говорить такъ.

Мы не послѣдуемъ за Стороженкомъ въ разборѣ, — съ изложенныхъ выше точекъ зрѣнія, — главнѣйшихъ произведеній и героев Шекспира: Макбета, Гамлета, Лира и др.; это вывело бы насъ далеко за предѣлы нашего очерка, и безъ того уже разросшагося выше предполагаемаго размѣра. Скажемъ лишь, что характеристики эти блестящи и очень тонко иллюстрируютъ основныя критическія положенія Николая Ильича.

Не можемъ однако не отмѣтить еще одной важной черты, указываемой тонкой критикой Н. И-ча, — умѣнья Шекспира давать всей пьесѣ, кромѣ художественно-вѣрныхъ лицъ, еще одно *общее настроеніе*. (Слово это сказано Н. И-чемъ гораздо раньше, чѣмъ оно стало избитымъ въ устахъ нашей критики). Въ самомъ дѣлѣ, это *общее настроеніе* пьесы бываетъ у Шекспира иногда поразительнымъ: въ этомъ отношеніи, какъ справедливо указываетъ Н. И-чъ, особенно поражаетъ „Макбетъ“, общимъ характеромъ баллады.

Таковъ капитальный трудъ Стороженка, переведенный на другія языки и доставившій автору почетное званіе вице-президента англійскаго Шекспировскаго общества.

Къ свѣтлomu чувству удовлетворенія и гордости за своего земляка, трудъ котораго поставленъ такъ высоко даже въ ряду трудовъ европейской критики, примѣшивается у насъ, однако, и горькое чувство: не украинскимъ писателемъ быть этотъ высокооцѣненный авторъ... Не украинскую литературу, не родной языкъ обогатилъ онъ своими сочиненіями въ области критики...

Но не упрекнемъ въ этомъ Николая Ильича, только-что ушедшаго отъ насъ въ вѣчность. Не его вина въ этомъ. Слишкомъ это сложный вопросъ, — „не взвѣшенный судьбою“! Обстоятельства исторически сложились такъ, что еще не время было трудамъ, подобнымъ сочиненіямъ Николая Ильича, быть написанными по украински, хотя бы авторы ихъ были, — сами, сознавая это, — плотью отъ плоти Украины и высоко ставили права любимаго ими украинскаго языка. Бодянский и Максимовичъ писали свои ученые статьи также не по украински, но мы также не упрекнемъ ихъ за это; какъ у этихъ учителей Николая Ильича, такъ и у него самого, не было ни литературнаго языка украинскаго, ни мѣста, ни аудиторіи для научныхъ сочиненій на родномъ языкѣ. Фактъ этотъ печальный, но горечь отъ сознанія его умѣряется тѣмъ, что время мѣняется и что желанная перемѣна уже наступаетъ и въ значительной мѣрѣ уже наступила.

Не упрекая писателей-украинцевъ за то, чего они не могли сдѣлать, признаемъ тѣ услуги, которыя они оказали, по мѣрѣ силъ и возможности, также и украинской литературѣ, прямо или косвенно.

Такою услугою являются между прочимъ статьи Николая Ильича о Шевченкѣ и о томъ кружкѣ, изъ котораго онъ вышелъ. Стороженко нѣсколько разъ возвращается къ обстоятельствамъ

относящимся къ основанію Кирилло-Меѳодіевскаго братства въ Кіевѣ и къ катастрофѣ, постигшей членовъ „братства“. Этотъ воцрсь облѣдованъ Н-мъ И-мъ съ обычной для него тщательностью; лебединая пѣсня Н-ая И-ча, послѣдняя статья, какую онъ могъ составить, — онъ принужденъ былъ уже диктовать ее (а не писать лично), — посвящена тому же вопросу: она помѣщена въ настоящей книжкѣ и показываетъ, съ какой тщательностью и любовью къ дѣлу она составлена.

Шевченку въ отдѣльности — Н. И. посвятилъ четыре статьи: „Геніальный горемыка“, „Первые четыре года ссылки Шевченка“, „Щепкинъ и Шевченко“, „Мелочи для біографіи Шевченка“. Эти статьи вошли въ юбилейный сборникъ сочиненій Н. И-ча, изданный „учениками и почитателями“ въ 1902 году.

Въ этихъ статьяхъ не только дана хотя сжатая, но прекрасно написанная біографія Шевченка, а еще и выяснено то движеніе, которое обусловило какъ пробужденіе музы Шевченка, такъ и всю идейную сторону авторства славнаго кобзаря.

Члены Кирилло-Меѳодіевскаго братства, — говоритъ Н. И-чъ, — съ страстнымъ напряженіемъ слѣдили за ходомъ начавшагося на западѣ славянскаго движенія и мечтали о соединеніи всѣхъ славянъ на федеративныхъ началахъ подъ главенствомъ Россіи. Мечты эти поясняются далѣе словами главы этого кружка, Костомарова: „Мы не могли уяснить себѣ подробности образа, въ какомъ должна была явиться наша воображаемая федерація государствъ; создать этотъ образъ мы предоставляли будущей исторіи. Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинаковые основные законы и права, свобода торговли и всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства, въ какомъ бы то ни было видѣ“. Итакъ, — скажемъ мы, — шестьдесятъ лѣтъ назадъ кіевскимъ кружкомъ украинцевъ намѣчены были тѣ основные принципы автономной федераціи, которые ставятся теперь, въ началѣ XX-го вѣка...

Кто знаетъ, какимъ бы пышнымъ цвѣтомъ разцвѣла дѣятельность идейнаго украинскаго кружка „братчиковъ“, привлечшаго къ себѣ такія талантливия силы, какъ Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко, если бы дѣятельность этого кружка въ наибольшемъ украинскомъ центрѣ не была пресѣчена въ самомъ корнѣ! Быть можетъ, мы имѣли бы на украинскомъ языкѣ не только стихотворенія Шевченка, но и ученія статьи Стороженка...

Кромѣ біографическихъ данныхъ, приводимыхъ въ статьяхъ Н. И-ча о Шевченкѣ, онъ даетъ также характеристику творче-

ства его. Характеристика эта представляет такую вдохновенную страницу, что мы приведемъ ее почти цѣликомъ: „Поэзія Шевченка въ высшей степени субъективна; она такъ тѣсно связана съ его жизнью, что онѣ составляютъ одно неразрывное цѣлое. Всѣ звуки, которые, издавала его лира, были звуки шедшіе отъ души, звуки выстраданные, на которыхъ запеклась кровь его сердца. Но талантъ Шевченка былъ слишкомъ великъ, чтобы замкнуться въ тѣсную гамму личныхъ ощущеній; онъ великъ тѣмъ, что въ его пѣсняхъ отразилась коллективная душа украинскаго народа, который, по мѣткому выраженію Костомарова, какъ бы избралъ его своимъ уполномоченнымъ, чтобы онъ повѣдалъ міру его судьбу и страданія и озарилъ бы свѣтомъ поэзіи все, что таилось въ его душѣ. Но отражая народную жизнь, Шевченко не забывалъ также озарять ее свѣтомъ культурныхъ идей. Онъ былъ не только народнымъ, но и національнымъ поэтомъ, сладкозвучнымъ выразителемъ гуманныхъ идеаловъ современной ему украинской интеллигенціи. Все, о чемъ думала и гадала украинская молодежь сороковыхъ годовъ, все это явилось у Шевченка, облеченное въ яркіе поэтические образы и согрѣтое огнемъ его горячаго поэтическаго сердца. Онъ молилъ Бога, чтобы онъ далъ его словамъ святу ю силу. —

„Людськее сердце пробивать
Молю, ридаючи: пошли,
Подай душі убогій силу,
Щобъ огненно заговорила,
Щобъ слово пламенемъ взялось,
Щобъ людямъ сердце розтопило
И на Україну понеслось“.

„Въ этомъ неумолкаемомъ призывѣ къ правдѣ, гуманности и свободѣ заключается культурное и воспитательное значеніе произведеній нашего поэта „сообщающее его стихамъ вѣчную юность“.

Такъ оканчиваетъ Стороженко характеристику кобзаря. Пусть эта теплая страница будетъ искреннимъ привѣтомъ ему, являясь въ книжкѣ нашего журнала за тотъ мѣсяць, конецъ котораго пріурочивается обыкновенно къ памяти кобзаря. Около этого времени по всей Украинѣ устраиваются торжественныя чествованія его имени и поэзіи; пусть же глубокопрочувствованныя слова Николая Ильича, повторенныя здѣсь, раздадутся среди

общаго прославленія Кобзаря какъ выраженіе горячей хвалы отъ лица даровитаго сына Украины и лучшихъ изъ критиковъ.

Окончивъ обзоръ литературной дѣятельности Николая Ильича, скажемъ еще нѣсколько словъ о немъ какъ о профессорѣ и общественномъ дѣятелѣ. Относительно профессорства Н. И.—ча хотѣлось бы намъ цитировать письма учениковъ его, посвященныя его памяти и помѣщенныя, въ ближайшіе дни послѣ его кончины, въ Русск. Вѣдомостяхъ; но письма эти такъ проникнуты однимъ общимъ чувствомъ, глубокимъ уваженіемъ къ почившему „учителю—другу“, въ такихъ сходныхъ выраженіяхъ опредѣляютъ сущность профессорскаго „учительства“ Н. И.—ча, что намъ кажется достаточной хотя бы слѣдующая выдержка изъ письма одного изъ учениковъ: „Н. И. былъ другомъ учащейся молодежи. Онъ не говорилъ призывныхъ словъ, лекціи его отличались строго практическимъ содержаніемъ, сюжетъ былъ далекъ отъ вопросовъ, волнующихъ молодежь, но въ самой манерѣ рѣчи, въ общемъ тонѣ обращенія съ аудиторіей неуловимо сквозила высокопробная деликатность духа, которая вытекаетъ изъ истинной гуманности, роднящей между собою людей самыхъ различныхъ состояній и возраста. Н. И. „не ораторствовалъ, не билъ на чувство, не перегружалъ изложенія „ученымъ аппаратомъ; онъ просто обращался къ студентамъ съ умной, тонкой, безпритязательной бесѣдой, богатой фактами и поучительными обобщеніями и всегда приправленной легкимъ, изящнымъ юморомъ. Н. И. былъ вѣрнымъ носителемъ лучшихъ традицій московскаго университета, и его ближайшіе друзья и ученики никогда не забудутъ свѣтлаго образа почившаго учителя. Выдающийся ученый, образцовый профессоръ, Н. И. былъ великолѣпнымъ руководителемъ студенчества въ его научныхъ стремленіяхъ, но кромѣ того онъ училъ великой и вѣчной наукѣ—быть человѣкомъ и любить человѣка. Всѣ его публичныя лекціи, всѣ его блестящія статьи проникнуты духомъ гуманности, высокаго благородства“.

Кажется, этого достаточно, чтобы судить, кѣмъ былъ Н. И. какъ профессоръ и каково могло быть его вліяніе.

Но отдавая свой трудъ и душу университету, Н. И. находилъ время и силы для всякаго рода общественной дѣятельности. Многія учрежденія имѣли его своимъ ревностнымъ членомъ, или даже предсѣдателемъ: Румянцевскій музей (гдѣ Н. И. былъ бібліотекаремъ), Театральное училище, Литературный театральный комитетъ, Общество любителей россійск. словесности и т. д. и т. д.

„Вся жизнь его была отдана другим“, -- говорить другой некрологъ, — „онъ всегда дѣлалъ все за всѣхъ! Никому пришедшему за помощью или совѣтомъ никогда не было отказа. Какъ бы ни былъ занятъ Н. И., онъ всѣми силами старался исполнить просьбу другихъ.

Но не только большой университетскій центръ кипучей умственной и общественной жизни захватывалъ Н. И.—ча: прѣзжая на лѣто въ родную Полтавщину, онъ и здѣсь находилъ себѣ не мало дѣла. Въ нашей замѣткѣ, помѣщенной въ К. Старинѣ три года назадъ, подь время юбилейнаго чествованія Н. И.—ча, мы говорили, чѣмъ онъ былъ для лохвицкаго уѣзднаго уголка, какое теплое участіе принималъ въ мѣстной земской жизни (всегда очень интенсивной), какое вниманіе выказывалъ къ нуждамъ крестьянъ своей деревни, включительно до личнаго оказыванія медицинской помощи приходящимъ. Это ли не образецъ сочетанія дѣятельности ученаго и общественнаго дѣятеля?

Въ той-же нашей замѣткѣ было отмѣчено еще одно свойство Николая Ильича, которое производило неизгладимое впечатлѣніе на каждого, кто былъ съ нимъ сколько нибудь знакомъ: это особенная обаятельность его разговора. Кромѣ насъ, объ этой особенности говорятъ, въ некрологахъ Н. И.—ча, О. Θ. Туганъ-Барановская, хорошо знавшая его по лохвицкому уѣзду, и ученики Н. И.—ча: всѣ подчеркиваютъ его особенное умѣнье вести въ высшей степени интересный разговоръ, ни чуть не подавляя собесѣдника, — кто бы онъ ни былъ, — своей ученостью, говоря чрезвычайно просто и съ какой-то „ласковой“, задушевной, именно „чарующей“ манерой. „Тайна этого обаянія“, — говорить одинъ некрологъ, — „заключалась въ рѣдкой красотѣ нравственной личности Николая Ильича, озаренной свѣтомъ глубокой и истинной человѣчности“.

Свою отзывчивость и свои высокія внутреннія свойства Н. И. сохранилъ до самыхъ послѣднихъ дней. По словамъ его учениковъ, „потрясающія событія послѣдняго времени сильно тревожили Н. И. Онъ видѣлъ, какъ борется страна за свободу, какъ много гибнетъ славныхъ борцовъ, онъ видѣлъ и скорбѣлъ, что его *alma mater* обречена на молчаніе. Рѣдкіе проблески радости доставляли ему извѣстія о великихъ завоеваніяхъ русскаго народа; онъ въ эти минуты былъ счастливъ и восторженъ. Н. И. до могилы вѣрилъ въ осуществленіе лучшихъ идеаловъ и эту вѣру завѣщалъ намъ“.

Таковъ былъ Николай Ильичъ Стороженко. По его общественному служенію мы не назовемъ его „борцомъ“, хотя на знамени его и было написано „гуманность и свобода“,—слово борець не подходитъ къ нему; онъ былъ скорѣе апостоль науки, гуманности и свободы. Подобно тому, какъ, по словамъ самаго Н. И., въ исторіи литературы его интересовали преимущественно тѣ личности, которыя распространяли вокругъ себя наиболѣе „свѣта, тепла и добра“,—такъ и самъ Н. И. заботился лишь объ этомъ распространеніи, не будучи созданъ для борьбы, для войны.... Но „свѣта, тепла и добра“ распространилъ онъ не мало,—какъ въ своихъ сочиненіяхъ, лекціяхъ, такъ и въ общеніи со множествомъ людей, обращавшихся къ нему.—Думаемъ, что воздаемъ Н. И.—чу должное нашимъ опредѣленіемъ.

Мы старались не переоцѣнить также цѣнность Н. И. какъ „украинца“: мы не назвали его ни „украинскимъ дѣятелемъ“, ни „борцомъ за украинское національное дѣло“,—это было бы не вѣрно. Но съ полнымъ правомъ Украина можетъ гордиться Н. И. Стороженкомъ, такъ какъ она дала ту большую силу интеллекта и таланта, которую обнаружилъ Н. И.; также и тѣ свойства души и сердца, которыя обнаруживалъ Н. И. въ его повседневныхъ сношеніяхъ и бесѣдахъ съ людьми, его мягкость, деликатность и именно „щирость“—являются свойствами истинно украинской природы; эти свойства особенно сосредоточиваются въ выдающихся представителяхъ національнаго типа,—какимъ по праву можно назвать Н. И.—ча.

Пусть же свѣтлый образъ дорогого земляка живетъ между нами! Пусть то, что онъ сдѣлалъ въ области мысли, распространенія „свѣта, тепла и добра“, признается далеко за предѣлами Ураины и даже Россіи,—Украина, какъ мать, скорбитъ о своемъ сынѣ наибольше и сохранить наиболѣе глубоко память о немъ!

Олена Пчилка.